

Верни мои сны

Автор:

[Саша Ирбе](#)

Верни мои сны

Саша Ирбе

В эту, ни на что не похожую книгу Саши Ирбе вошли стихотворения-переживания, скрученные воедино с ритмической прозой (отчасти стилизованным, отчасти глубоко личным «московско-готическим» романом). Перед нами неэвклидов объем овеществленного воздуха: им дышишь, в него погружаешься. Это пространство забирает в свой внутренний мир образов и событий. Каждый сможет найти здесь и свое, и потустороннее, и просто находящееся (возможно, временно) по ту сторону себя; оставить в душе странное и томящее послевкусие. Соприкосновение с тканью этого странного полотна, его чувственный и исповедальный мистицизм, не оставят читателя равнодушным.

Саша Ирбе

Верни мои сны

От автора

Если бы эта книга была женщиной, ей было бы лет около сорока. Она имела бы омерзительный и очень гордый характер.

Если бы эта книга была домом, он стоял бы на склоне горы и смотрел на черное, спокойное море.

Если бы эта книга была птицей, то жила бы она на Китай-городе, где-то в районе Устьинского моста, чтобы наблюдать, как идут по Москве-реке теплоходы.

Но она – книга. И главный ее герой – время: разрушающее, вдохновляющее, дающее...

Я буду рада, если кому-то она поможет взглянуть на нашу жизнь иначе, а вернее, так увидеть в ней то, что рождает за спиной крылья.

Верни мои сны

1. В час утра над Москвой

Одну из своих книг, «Излом», я уже открывала циклом стихов о Москве, потому что Москва была и остается моим самым любимым городом на свете.

Все стихи этого цикла были написаны в самолете в момент отлета или возвращения домой.

1. «Это я – голытьба татарская...»

Это я – голытьба татарская

без тебя – не сказать – жива.

Не Петрова столица – царская,
мягко-женским звучит – «Москва».

Возвращаюсь в тебя нежданно,
что с ключами в свой отчий дом.

И стоят фонари оградами
на Садовом и на Тверском.

Ты – страна, что дана не каждому,
и не каждый тебя поймет;
точно в землю домишки всажены,
в желтых ризах, наперечет.

Кремль-чудило пурпурной кручею,
точно яблочный взбит пирог.
Если Бог бы задумал лучшее,
он бы лучше создать не смог.

Эх, Москва, пестрота татарская
и церковен славянских ряд.

А душа у тебя цыганская,
слишком гордая, говорят.

Не полюбишь – так планы начисто,
а полюбишь – так впрок, сполна.

Все препоны твои, дурачества
наблюдает в неон страна.

Мною парки твои исхожены,
но спешу в них, как в первый раз.

И стихи про тебя все сложены,
но их снова пишу сейчас.

Потому что душа излечится
от бульваров твоих и стен,
потому что ты тоже женщина,
что не раз попадала в плен.

То царевой была, то ханскою,
то боярской, а то чумной.

Эх, ты, доля моя цыганская
на широкой меже земной.

2. «Костлявая земля, холодный луч заката...»

Костлявая земля,
холодный луч заката.

Встречай, Москва моя,
меня из чуждых стен.

Встречай меня, моя
больничная палата,
любительница пестрых перемен.

Продлится разговор,

а с ним – вино за полночь,
на кухне свет, а за Садовым – тьма.
Встречай меня, Москва,
встречай – покуда помнишь —
и все тебе рожденные слова.

Я снова по Тверской
пройду, как бы не зная,
что сотни раз и вечером и днем
по ней гуляла.

Ты
встречай меня, родная,
встречай меня как дочь,
заехавшую в дом.

Опять не насовсем...
Но воздух твой так сладок,
что и во снах
тебе не изменить.

Встречай меня, моя
излучина загадок,
моих стихов и лет,
и отголосков нить.

3. «Я им, молодым...»

Я им, молодым (хоть душой очень многих моложе),
завидую так,
что и парки мои и газоны
жалею;
и то, что в Москву понаехали тоже,
и нежно глядят
на дворцы ее, башни и склоны,
на спуски к реке,
по мостам ее длинным гуляют,
что любят огни и еще очень многое любят,
что нашей Москвы, не парадной – практичной, не знают,
что сладко все то, что свершилось, а больше не будет.

Я в сквер ухожу!..

В Александровский даже не смею.

Не хочется в сад в своей нынешней, дикой печали.

Как жаль, что я время в то время вернуть не сумею,

где счет не назначен, и все еще только в начале.

Присутствие времени – прелесть такого кредита,

увы, понимаю, чем дальше, тем больше и чаще.

Нет, я не стара, да и жизнью совсем не избита,

но мало в ней жизни над бытом и тленом парящей.

Чарует Москва!..

Но глядит одиночество в спину.

В ней мало друзей, с кем когда-то любили, гуляли...

(Уходят на час, а выходит, что невозвратно
к своим берегам и в свои вековые дали.)

Завидую ВСЕМ, по бульварам за полночь бредущим!..

Завидую ВСЕМ – на мой город впервые глядящим!..

Завидую ТЕМ – в своем веке рожденным, живущим!..

Таким молодым и, до боли моей, настоящим.

4. «Мы оба мертвы, потому что живем в Москве...»

Мы оба мертвы,

потому что живем в Москве,

потому что нет времени,

чтобы дышать и петь,

потому что смерть

живет у нас в голове,

потому что нам важно не верить,

а важно успеть.

Мы оба стремимся

укрыться в потоке дел,

свое равнодушие

знаменем в мир неся.

Там кто-то упал —

значит, слабеньким был совсем.

Не в радость любовь —
это значит, иссякла вся.

Ты помнишь друзей,
тех, что были до точки «до»?!.
Ты помнишь людей
без их брендов,
без их чернил?!.

Твердишь: «Ты устала...»
– «Ты – тоже... Уже давно!..»
Твердишь, что немногих
так сильно еще любил.

А помнишь наш вечер
на пыльной такой Тверской?!.
Ходили-мечтали...
Но все ли сбылись мечты?!.

Ты вроде все тот же,
а все-таки ты – другой.
И время надежд
стало временем пустоты.

Парадный цвет улиц —
отныне тревожный цвет.
Не шумных кофеен, не споров —

а тишины!..

Живем с тобой в мире,
в котором нас больше нет.

Нужны очень многим,
а значит, что не нужны.

Вновь вечер... Авто...

Пьем в кафешке вишневый чай...

Раз можешь: прости!..

А вернее, так не скучай!..

Я вскоре уеду, чтоб выжить,
верней – ожить!..

Когда я приеду,
мы будем с тобой дружить.

5. Умершей девочке-поэтессе

Дробью бульваров спешу к тебе,
опытом, знанием наизусть,
в новосибирский, тугой разбег,
в старомосковский, ядреный пульс.

В первую правду из всех и вся
(окна квартиры на старый дом).
Нежным, как ты, на земле нельзя.

Я и сама здесь живу с трудом.

Все здесь искомое – аж судьба.

Все здесь знакомое – аж рябит.

Выше – сиреневых звезд резьба,

ниже – Марина в цветах стоит.

Руки возложены на груди!..

Девочка-ангел, не уходи!..

Девочка-ангел глядит вослед

всем, кому в жизни и жизни нет.

Адовы кольца – гремит Москва.

Девочка плачет – она жива

тоненькой ниточкой детских строк:

«Люди – любите друг друга впрок!

Люди – храните друг друга впрок!

Люди – дышите друг другом впрок!»

6. Московское утро

Час утра над Москвой подобен сновиденью.

Почти нездешней дышит тишиной.

Как будто мир во время сотворенья.

И снова пахнет в воздухе весной.

А там, в саду, под белой колокольней,

под пестротой Кремлевского дворца,
земля рождает новый день субботний,
земля не прячет бледного лица.

Дома, проспекты – все покрыто тайной.

И в облаках такой прозрачный свет.

Я в это утро встретила случайно
с Москвой из прежних, из державных лет.

И вы скорей в окно свое взгляните

на ту Москву, что исстари жива!..

И у Христа Спасителя в граните

по-прежнему сияет голова.

И веришь вновь, что красота бессменна

и что еще нас кто-нибудь хранит

среди тревог, невзгод обыкновенных,

чужих признаний, сплетен и обид.

Святая дева или Бог степенный?!

А, может быть, величием красна,

Москва,

как лучший город во Вселенной,

в который вновь вторгается весна.

Готический роман

1. В детстве меня схоронила от этого мама

Не отзовешься на мое: «Замри
над вечностью!»

Безвременный покой.

Он не у этой – у другой земли.

И город там, наверное, другой,
куда идут безмолвные суда.

Пространство моря – все вода, вода...

А жизнь как будто временный ночлег.

Вчера был сад. Сегодня – холод, снег.

И я по снегу этому бреду.

И я все меньше чувствую беду.

И улыбаюсь просто оттого,
что жив лишь куст от сада моего.

Я явственно помню тот последний день моей яркой, стремительной, но... Но
ничем не омрачаемой жизни.

Вверху, надо мною, плыли черные, безликие ветки деревьев, а вместе с ними
плыло все: кресты, стволы и, точно яичной скорлупой, обсыпанные снегом
могилы...

Я никогда не была на кладбище. В детстве меня схоронила от этого мама, а
потом?.. Потом как-то и не случилось, чтобы кто-нибудь умирал.

А если и умирал, то обстоятельства всегда складывались так, что именно в этот день на меня сваливалось неимоверное количество дел и, при всем моем великом желании, я не успевала приехать.

Наверное, вы удивляетесь, почему «великом». Здесь я грешна. Меня, как писательскую душу, всегда интересовал вопрос встречи жизни со смертью. Будучи наполовину язычницей, я относилась к последней как к неизбежной участи бытия; к тому, без чего гармония в мире была бы непредставима.

Вы только представьте, какое желание власти и страсти явилось бы в каждом из нас, если бы мы только знали, что мы бессмертны?!

И лишь одно праздное любопытство, вечное желание еще неиспытанных впечатлений, а вовсе не стремление с кем-то проститься, влекло меня на таинственные погосты.

Нет, вы только не подумайте, что я вовсе не видела кладбищ!

Раньше мне очень нравилось бродить среди всяких надгробий: разглядывать кресты и надписи на пустынном Донском; а на Ваганьковском читать стихи под торжественным бюстом Есенина или готовиться к экзаменам по истории русского языка на заброшенной могиле Даля.

У меня даже были друзья, которые тоже обожали бродить в окружении бессмертных могил.

Помню: мы как-то целый день провели на Новодевичьем. Общались с местными кошками, зрителями, начальником тюрьмы, ставшим при выходе на пенсию начальником кладбищенской охраны. Он же с неистребимым удовольствием рассказывал нам о том, к кому ходят, а к кому не ходят из недавно почивших знаменитостей их земные родственники, коллеги, друзья... какие могилы пользуются любовью у посетителей, а какие забыты.

И оказалось, что каждые ходят к своим: спортсмены – к спортсменам, писатели – к писателям, архитекторы – к архитекторам, и только люди, далекие от всяческих каст, – к политикам и артистам.

А был случай: я испугалась, когда, придя ранним утром на могилу Зинаиды Райх (теперь и сказать не могу, что меня туда привело в столь странное время), увидела курточку... Просто курточку... Просто лежащую на камне. И вдруг меня обуял такой страх, что я стремглав понеслась к выходу.

А по дороге мне встретился гробовщик: худой, высокий, будто бы весь выпачкавшийся в земле и с измазанной землею лопатой. Такой, каким и полагается быть гробовщику. Страх увеличился, и меня вмиг стало трясти так, что я и сейчас отчетливо помню, как дрожали на бегу мои руки и ноги.

Только потом от всего этого мне было смешно. С великой гордостью рассказывала я своим знакомым, что многих в жизни вещей не боюсь, а вот курточки и гробовщика испугалась.

Но я не об этом, а о том, что никогда в жизни до этого даже не предполагала, что значит НАСТОЯЩЕЕ КЛАДБИЩЕ.

Сколько любви

в этих спящих навеки

в могилах!

Разве кого-то она до конца утолила?

Разве оставила в ком-то

хоть что-то живое?

Разве здесь есть, как в мечтах,

голова с головою,

руки с руками;

колени к коленям прижались?

Все одиноки, как были когда-то,

остались.

Вечер февральский. Москва.

Год две тыщи девятый.

Жутко болит голова,

и алеют закаты.

Я и теперь не могу понять, как тогда смогла выстоять на белом полотне, точно сонная артерия, пересекающей некрополь дороги.

Всюду от нее вздыбленными венами отходили огибающие многочисленные надгробья тропинки, а совсем вдали виднелись черные, резные ворота кладбища. Из мира «нет» в мир «да».

Кажется, рядом стоял фонарь. Возможно, я даже встала рядом с ним, чтобы на него опереться. Мне было безумно холодно и очень стыдно оттого, что тело мое чувствует холод.

Было тревожно. Не помню даже, хотела уходить с кладбища или нет, но помню, что чрезвычайно не хотела никого видеть.

Казалось странным, что люди ходят, говорят, считают что-то правильным, а что-то – нет. Сама способность человека соображать меня удивляла.

Нет, я не возненавидела людей. Просто само их существование теперь казалось мне странным.

Это то же самое, как если бы вы уехали из дома далеко-далеко, уехали лет на тридцать... И вот, вернулись... И вот, замечаете старинный дубовый шкаф, стоящий в прихожей.

Этот шкаф и раньше там стоял, только вы не примечали, что он старинный, и что стоит он в прихожей тоже никакого значения не имело. Просто вешали одежду и все.

А вот вернулись – и странным он вам кажется, несуразным... И удивительно сделалось, как это так: прошло столько лет, изменилось все, а шкаф – шкаф не изменился.

Вот и во мне отмотались тогда не минуты, а годы, может быть, даже несколько десятков лет моей жизни.

Потому что зашла я на это кладбище одним, а вышла?!. Вышла совсем другим человеком.

Верни мои сны

2. Две жизни

Две девочки

Эти девочки любят вместе и плачут вместе,
пока что так неразлучны и так похожи
в манере смеяться, думать, смотреть на вещи
блюдцами глаз, от которых мороз по коже.

Слишком уж радостны – слишком уже печальны.
Странно представить, что как-нибудь, лет через десять,
суетно встретившись, станут уже иными.

Одна будет мамой; другая – директором банка,
но обе горды, обе счастливы, обе довольны,
что жизнь повернулась не так, как они ожидали.

Лишь после, разъехавшись, ночью, смешно и несмело,

одна будет думать, что надо бы тоже ребенка,
но время хватает за горло, сшибает все сроки,
другая подумает: «Надо бы тоже за дело!..

Не всю же мне жизнь
среди кухонь, пеленок и спален,
и мужа,
которого больше всего по субботам;
воскресные дни
он обычно проводит с друзьями».

Но обе забудутся... Обе не встретятся боле.
А если и встретятся (что, если лет через двадцать),
то сделают вид, что и раньше друг друга не знали.
Подумают только, что лет этих пудрой не скроешь,
и каждая снова по жизни своею дорогой,
уже не мечтая, что можно прожить по-другому,
уже не желая хоть что-то прошедшее вспомнить.

Но это все позже... Сегодня же девочки вместе
идут на свиданье к двум разным, но тоже похожим.
В ушах по наушнику: общие слушают песни.
Те двое в метро эту музыку слушают тоже.

Я устал!

– Я устал!

– Кому, какому свету?!.

Здесь кричишь, хоть тысячам, хоть стам,
не дождешься, дядечка, ответу,
даже если до смерти устал.

Думаешь: в глазах блатных прохожих
есть хоть грош звериного родства?!.

Не поможет, дядя, не поможет!

Твой укор почти до озорства.

За Садовым душу схоронили,
за Могильцы сердце увезли.

Эти люди многое забыли,
что б другие люди не смогли.

От Китайгородского проезда
до Покровки – сырость мостовых.

Дядя, здесь особенность уезда
вдрызг живущих – только не живых.

Пясть метро и узость километра
до бульвара, ширость – до Кремля.

«Я устал!» – здесь для дождя и ветра
и других убогих, может, для...

У Москвы церковью необозримо,
у людей – забот невпроворот.

Дядя, им, теперь бегущим мимо,
тоже б приоткрыть сегодня рот;
закричать без дела и без толку
(скольким эта фраза режет грудь):
«Я устал!..» С отчаянностью волка
хочется весь мир перевернуть.

«Я устал!» – кричи, пока есть мочи,
за нас всех, не смеющих вскричать.
Тяжело мне, дядя, стало очень
эту жизнь, как заново, начать.

Что поделать нам,
бегущим мимо
времени, пространства, забытья?!.
Ты кричишь – а мне необходимо!..
То не ты кричишь сегодня – я!

Бабушке с голубями

Зачем у церкви кормишь голубей
десятки дней, а может, сотни дней,
их стадо синеликое считая?!.
Как будто ты перед вратами рая
стоишь среди стенаний и теней.

Век двадцать первый... Но таков ли век,
когда ничто кругом не изменилось?..
Затон машин?! То конница ютилась.
И так же гордо смотрит человек,
что на посту у серого столба
(сейчас – метро, тогда – у въезда в город).
И тот же души прошибает холод,
и та же с неба плещется вода.
Я знаю: с голубями говорить
куда верней, чем с сотнями прохожих.
Мне от тебя,
на время не похожей,
еще вернее хочется разбить
тот мир,
где все банально, все – не то:
вполоборота, в полуправду, что ли.
Давай сегодня сменим наши роли:
я буду с голубями, ты – в пальто
пойдешь домой,
улыбку нацепив,
спокойный тон,
возьмешь вино на ужин.
Есть голуби... Они над миром кружат.
Есть дом, в котором ждет тебя никто.

Давясь тоской

и времени дичась,

спешу к себе – в тебя гляжу устало.

У церкви ли, в дому – различий мало:

единая у всех живущих связь.

Чем дальше в годы – тем сильнее тоска,

тем проще ощущение от бездны,

куда исчезли горы и века,

исчезнешь ты, а после

я исчезну.

Другу

1. «Нынче простимся... Хватит писать стихи...»

Нынче простимся... Хватит писать стихи,

жизнь превращая в гнусный, тоскливый бред.

Только прошу: не трогай моей руки.

Не задевай – ты слышишь – моих побед.

Больно, когда в переулках твоих бредя,

если и встретимся, взгляды опустим вниз.

Все потому, что лишь другом люблю тебя,

не исполняя твой замысел, твой каприз.

Все понимаю... Нынче уже без слов.

Мир Дон-Жуана... Дружба – постылый бред.

Холодно стало от редких твоих звонков.

И тяжело – от нещадных твоих побед.

Если и встретимся, взгляды опустим вниз...

В тех переулках церковь, да без креста.

Вот и остался в прошлом мой тихий принц.

Вот и настала полная пустота.

2. «Мне легче думать, если друг не прав...»

Мне легче думать,

если друг не прав,

что с ним теперь

неладное случилось:

душа иссякла —

сердце притомилось,

почти безмолвным

и пустынным

став

от быта,

от иных досужих дел.

Мне больно,
если друг мой поглядел
холодным взглядом,
будто он привык,
что вечно легок и течет родник
нам отведенных небом лет и дней.

Мне тяжело от сонных тех огней,
которые горят в моем окне;
горят всю ночь,
не помня обо мне.

Пускай кричат: «Он груб, он зол, он сер!..

Он ничего по жизни не успел!..»

Я буду верить из последних сил:
в его пути всего лишь остановка —
устал, присел, задумался неловко,
но он себя до срока не сносил.

И пусть он ошибается теперь!

Пусть сплетничает, лжет, глядит жестоко...

Но вновь придет – ему открою дверь!

Мне без него темно...

Мне – одиноко!

3. «Тише, друг мой, пожалуйста, тише...»

Тише, друг мой, пожалуйста, тише...

Белая заводь снега плывет с твоих век.

Ты – человек, который стремительней дышит,
чем завещал наш неонем окрашенный век.

Знаешь, когда бы меня в небеса воззвали,
лишь об усталых смогла бы Его просить!
Друг мой чудесный, сегодня нужны скрижали,
чтобы старинное, вечное изучить.

Знаю: не веришь, что гордо и перед Богом
все бы простила тебе и ушедшим всем.
Просто друзей на земле так безумно много,
а остановишься, взглянешь – и нет совсем.

Друг мой единственный, что мне сказать, что сделать,
чтоб одиноким, чтоб лживым, как все, не стал.
Белую робу, как саван, с утра надела,
чтоб ты себя – в непутевой – во мне узнал.

Знаю: напрасно... Все в жизни решают сроки.
Сердце вместо боли сковала медь.
Время – дыра, провал... И бессильны строки,
если душа устала дышать и петь.

Выпита чаша... В ней много родных и юных...
Ты – из последних... Тем паче теперь грущу.

Сказка проходит – но дай мне ее придумать.

Время проходит – я этого не хочу!

Готический роман

2. Случайный звонок

Был обычный офисный понедельник. 17 января 2008 года. По Москве неслись обмороженные прохожие и машины. Повсюду вставали троллейбусы и трамваи. Все только и обсуждали, откуда взялись такие несусветные холода.

От великой тоски, наплевав на всю выпавшую на этот день малозначительную работу, с доброй подружкой по офису я отправилась в магазин, который как раз находился этажом ниже. В нем отыскала себе ярко-желтое платье в ажурную сетку, подруга – красное, с маленьким наглым вырезом в форме сердечка. Остаться на работе после этого было уже невозможно, и в третьем часу дня я поспешила домой.

Прямо перед лифтом меня остановил мерзкий и гнусавый звонок моего телефона. «Мерзкий», потому что в такой час и в такую дату звонят только самые занудные и самые неуместные люди.

На экране высветился неизвестный мне номер. Не здороваясь, незнакомый женский голос сказал, что случилась беда, что наш общий близкий человек умер.

Умер?! Когда же я выведала у нее, наконец, о ком идет речь, то даже успокоилась. В первую минуту мне подумалось, что беда случилась с моим отцом, сыном или мужем... А оказалось: с человеком, с которым меня год как не связывало уже ничего.

Только желтый цвет купленного мною платья уже не радовал: и напоминал не солнце и песок желанного лета, а стены больницы, в которой мне в детстве месяцами приходилось лежать.

Очень насторожила меня просьба этой женщины, так, невзначай, перевернувшей весь день, а потом, как оказалось, и целые годы моей жизни. Она просила меня позвонить его папе и очень настаивала на этом. А я все не понимала, зачем же звонить, когда прошел уже год, как мы с его сыном расстались.

Когда и расстались-то мы не сказать чтоб друзьями.

Настанет день, опять начнем сначала

беззубую картину бытия,

а ты все хочешь, чтобы я молчала

или твердила только, что твоя.

Или еще пленительней: «Навеки!..

Не размыкая ни сердец, ни рук».

Беда лишь в том, что страсти в человеке

родятся сами и уходят вдруг.

И оттого не станем лгать напрасно.

Есть жизнь одна, а в ней есть жизней – сто.

У нас мгновенье есть... Оно прекрасно...

А что за ним?.. Не ведает никто.

Да... Я не умела любить.

Даже когда в последние месяцы звонила Сергею – звонила лишь потому, что мне что-то было от него нужно.

Последний раз, кажется, в три или в четыре часа ночи. В тот миг трещал по швам один из моих новоначатых, но пока не устаканившихся романов.

Хотелось побольнее ударить того, другого, который даже не понимал, не хотел понять, как глубоко, как сильно нужно меня любить.

Невольно привлекала грешная мысль: «Из постели одного тут же в постель другого».

И уже, как далекий и глубоко пережитый сон, вспоминала уютную комнату, покрытую алым, точно кровь, ковролином; резные, вставленные в оправу красного дерева, зеркала; глубокую нишу, возвышающуюся над вырезанным в виде орла изголовьем кровати...

И стены... Стены, такие вишневые, что иногда от их света рябило в глазах. «Замок... Маленький замок...» – подумала я, как только вошла в эту комнату впервые.

А еще вспомнилась церковь, стоящая на высоком холме прямо перед нашим окном. Белая, с черными, как смоль, куполами. Сколько раз я приезжала к Сергею под утро и сколько раз она высвечивалась на серо-лиловом зареве предрассветного неба.

В его комнате меня всегда, точно нег, вмиг охватывала царящая вокруг тишина. И только алые простыни, такие скользкие, что удержать их на себе, заранее не подложив под бок, было практически невозможно, нарушали гармонию, которая царила в этом доме всегда.

Только в тот раз к Сергею я не поехала.

Кажется, по дороге на стоянку такси помирилась со своим новым. Кажется, Сергей мне звонил уже через пару часов, узнать: приеду я или нет. Но, увы, ни одного слова из нашего с ним разговора тогда я не помню.

Горько устроена память: целые недели, месяцы нашей жизни она стирает напрочь, а оставляет какие-то минуты и даже доли минут, которые крутятся в

сознании собранием замедленных кадров.

Представьте, как бы запомнила я этот предутренний разговор, если бы знала, что он у нас с Сергеем будет последним.

Но куда больше запомнила я пришедшую от него смс. Наверное, потому, что к трагедии она была ближе, и приход ее был куда мистичнее, чем какой-то банальный звонок в банальное московское утро.

Смс пришла ровно в тот миг, когда часы показывали полночь – момент безвременья, когда вокруг меня бурлило и кипело, как только может бурлить и кипеть торжество Новогодней ночи. «С наступившим тебя, моя любимая Серая Мышь (так, по-домашнему, звал меня Сергей за мою серую шубку и платье). Желаю тебе всего самого лучшего и твоего. Для меня главное, чтобы ты была счастлива!»

Надо сказать, что Сергей мне и раньше отправлял немалое количество смс. Только все они были ругательного или обвинительного характера. Эта же своим спокойствием меня поразила.

Но тогда я даже не успела на нее ответить. Так неотвратимо неслось в те дни время: первое, второе, десятое января сливались в одно. Беспечные встречи, свидания, споры с соседями и вынужденные праздничные разговоры с родней сменяли друг друга. Как всегда глупые, загромождающие пространство комнат, подарки. Пронзительный запах мандариновых корочек и, уже ставшего сродни соку, шампанского соединяли все в единое и, казалось бы, бесконечное пространство «Новогодние праздники».

И вот, будто обухом по голове, снова работа и снова роман. И вроде, уже поздно поздравлять людей с Новым годом. Все, что не сделано, кануло в Лету.

А то, что имело хоть какое-то значение вчера, уже не имеет никакого значения сегодня. И не потому, что обстоятельства слишком уж изменились, а просто время разделило пути.

Верни мои сны

3. Внезапный, горный вкус объятий

Этот цикл посвящен тому, кто, пусть временно,
но превратил мою жизнь в сказку.

«Говорят, если в чудо не верить...»

Говорят, если в чудо не верить,
не сбывается чудо совсем,
но стучится в закрытые двери
ветер чуждых, чудных перемен.

Все, что было страданием и болью,
зарастает, как розами, сад,
озаренный твоею любовью.

В нем уже не шумит листопад
среди ягод рябины притухшей.

И не кажется страшным уже
мир,
в котором мне сделалось лучше
на твоём и моём
вираже.

«Прости, люблю тебя сильнее...»

Прости,

люблю тебя сильнее,

чем всех когда-нибудь любила.

Кого любила – тех забыла,

как город из чужих огней,

что в глади вырвался окна,

пересекаемый на скором.

К тебе – по сонным коридорам,

к тебе – без устали, одна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/irbe_sasha/verni-moi-sny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)